

Джеймс Болдуин

Джеймс Болдуин

Комната Джованни
Если Бийл-стрит могла бы заговорить

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б79

Серия «XX век / XXI век —The Best»

James Baldwin

GIOVANNI'S ROOM
IF BEALE STREET COULD TALK

Перевод с английского
В. Бернацкой («Комната Джованни»),
Н. Волжиной («Если Бийл-стрит могла бы заговорить»)

Дизайн обложки В. Воронина

Печатается с разрешения James Baldwin Estate.

Болдуин, Джеймс.

Б79 Комната Джованни. Если Бийл-стрит могла бы заговорить / Джеймс Болдуин ; [пер. с англ. В. Бернацкой, Н. Волжиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — («XX век / XXI век —The Best»).

ISBN 978-5-17-107088-5

В этот сборник вошли два самых известных произведения Болдуина — «Комната Джованни» и «Если Бийл-стрит могла бы заговорить».

«Комната Джованни» — культовый роман, ставший в свое время одной из программных книг «бунтующих 60-х». Это надрывная история молодого американца «из хорошей семьи» Дэвида, уехавшего в Париж, чтобы попытаться найти там иной смысл жизни и иной способ существования, чем тот, к которому подталкивала его жизнь на родине, и внезапно оказавшегося лицом к лицу со своими тайными и оттого лишь более пугающими внутренними демонами.

«Если Бийл-стрит могла бы заговорить» — драма совсем иного рода. В трагедии, постигшей молодого художника Фони и его невесту Тиш, как в зеркале отражается судьба тысяч и тысяч их чернокожих сверстников, которым довелось расти и мужать в эпоху, когда расизм в США был еще не воспоминанием, а ужасной повседневной реальностью... В этом году в прокат выйдет экранизация повести, снятая оscarоносным режиссером Барри Дженкинсом.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© James Baldwin, 1955, 1956, 1974.

© Перевод. В. Бернацкая, 2018

© Перевод. Н. Волжина, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-107088-5

КОМНАТА ДЖОВАННИ

Люсьену

Я человек, я страдал, я там был.

Уолт Уитмен

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Я стою у окна большого дома на юге Франции и смотрю, как приближается ночь, которая приведет к самому страшному утру в моей жизни. В руке стакан, рядом бутылка. Я вижу на темной поверхности стекла свое отражение — длинное, похожее на вытянутую стрелу, светлые волосы слабо мерцают. Лицо обычное — такие лица видишь каждый день. Мои предки завоевали континент, пробиваясь сквозь несущие смерть равнины к океану, обращенному не к Европе, а к миру более древнему.

К утру я, скорее всего, напьюсь, но от этого легче не станет. В любом случае я сяду на парижский поезд. Тот же поезд, те же жаждущие комфорта и даже уважения к себе люди, устроившиеся на жестких деревянных сиденьях вагона третьего класса, и сам я буду тот же. За окном промелькнут знакомые сельские виды, позади останутся оливы, море и великолепие грозового южного неба. Мы едем на север — в туманный, дождливый Париж. Кто-нибудь предложит разделить с ним сэндвич, другой — вино, третий попросит спички. В коридоре будут толпиться люди, выглядывать из окон, просовывать голову в купе. На каждой станции призывники в мешковатой армейской форме и цветных шапочках будут открывать к нам дверь и спраши-

вать: «Есть место?» Мы отрицательно замотаем головами: «Нет», а когда те пойдут дальше, переглянемся с лукавой улыбкой. Два или три новобранца останутся в коридоре возле нашего купе, они будут курить вонючие армейские сигареты, орать и отпускать всякие непристойности. Напротив сядет девушка, ее очень удивит, что я с ней не заигрываю, но с появлением новобранцев она обо мне забудет. Все будет как обычно, только я буду молчаливее.

Сегодня вечером все вокруг тоже тихо. В стекле за моим отражением я вижу окрестности. Дом расположен в стороне от небольшого летнего курорта, но местечко еще пусто — сезон не открылся. Дом стоит на холме, отсюда видны городские огни и слышен шум моря. Несколько месяцев назад мы с моей подругой Геллой арендовали его из Парижа по одним только фотографиям. Геллы уже неделю здесь нет. Сейчас она плывет в открытом море обратно в Америку.

Я так и вижу ее — элегантную, возбужденную, в залитом светом салоне океанского лайнера, она слишком нервно и быстро пьет, смеется и разглядывает мужчин. Именно такой я впервые увидел ее в баре Сен-Жермен-де-Пре, она пила и разглядывала мужчин, чем мне и понравилась. Тогда я подумал, что неплохо бы закрутить с ней романчик. На этой легкомысленной ноте у нас и завязались отношения, и даже сейчас, несмотря на все случившееся, я не уверен, что хотел большего. И она, похоже, тоже. Пока не поехала в Испанию без меня и там, оказавшись в одиночестве, не задумалась: а что, если жизнь, состоящая из выпивки и разглядывания мужчин, не совсем то, что ей надо. Но поезд, как говорится, ушел. Я уже был с Джованни. А ведь перед Испанией я сделал ей предложение, она засмеялась, и я засмеялся тоже, но ее реакция возбуди-

ла меня, и я продолжал настаивать. Тогда она сказала, что ей нужно уехать и как следует подумать.

И в тот последний вечер, когда она была здесь и упаковывала вещи, в тот вечер, когда мы виделись в последний раз, я сказал, что какое-то время любил ее, и сам заставил себя в это поверить. Хотя не знаю, любил ли я ее. Конечно, я помнил ночи, полные чистоты и доверия, каких никогда больше не будет. Именно это придавало особую прелесть нашим ночам, они словно находились вне времени — не связанные ни с прошлым, ни с настоящим, ни с будущим. И к моей жизни как бы не имели особого отношения. Все это разворачивалось под чужим небом, без чужих глаз и неприятных последствий. Но именно эти обстоятельства играли против нас — полная свобода тяготит. Думаю, я предложил ей руку и сердце, чтобы встать наконец на якорь. А она по той же причине решила в Испании, что хочет за меня замуж. Однако люди, к несчастью, не могут сами выбирать, где им бросить якорь. Они не могут выбирать ни любовников, ни друзей, как не могут выбирать родителей. Всех дает и забирает сама Жизнь, и очень трудно в нужное время сказать ей «да».

Говоря Гелле, что любил ее, я думал о том времени, когда любовная интрижка мало что для меня значила. Но потом со мной случилось нечто ужасное, непоправимое. После той ночи и наступившего затем утра я понял: неважно, сколько постелей я сменю вплоть до самой последней, у меня никогда больше не будет прежних легкомысленных, пикантных интрижек, которые, если вдуматься, просто замаскированная мастурбация. Люди — сложные существа, к ним нельзя относиться пренебрежительно. Да и я слишком сложен, поэтому мне нельзя доверять. Иначе я не оказался бы этой ночью в доме один. Гелла не плыла бы в открытом море. И Джованни не ждала бы на рассвете гильотина.

Среди всей лжи, в которой я жил и с которой мирился, я раскаиваюсь в одной — несмотря на то, что она сослужила мне добрую службу. Я солгал Джованни, будто никогда прежде не спал с женщиной, но он мне так и не поверил. На самом деле такое один раз было. Тогда я решил, что это не повторится. И теперь мне видится фантастическая картина, как я бегу упорно и быстро, даже пересекаю океан, и все для того, чтобы вновь оказаться перед тем же бульдогом на заднем дворе, только за это время двор стал меньше, а бульдог вырос.

Я много лет не вспоминал этого юнца по имени Джоуи, но сегодня ночью он стоит предо мною, как живой. Это произошло несколько лет назад. Я был еще подростком, Джоуи — примерно моего же возраста. Хороший мальчик — подвижный, смуглый и смешливый. Какое-то время он был моим лучшим другом. Позже сама мысль о том, что такой человек мог им быть, стала свидетельством моей некой глубинной порочности. И я постарался его забыть. Но сегодня он снова отчетливо предстал у меня перед глазами.

Стояло лето; школьных занятий не было. Родители Джоуи куда-то уехали на уик-энд, и я проводил время в его доме близ Кони-Айленда в Бруклине. В те дни мы тоже жили в Бруклине, только в районе получше. Помнится, мы подолгу нежились на пляже, плавали, разглядывали проходивших мимо полуголых девчонок, свистели им вслед и смеялись. Не сомневаюсь: если бы кто-то из них отозвался, мы провалились бы под землю от ужаса и стыда. Но девушки, несомненно, это понимали — хотя бы по нашей манере заигрывать — и не обращали на нас никакого внимания. Когда солнце стало клониться к закату, мы, натянув штаны поверх мокрых плавок, пошли по дощатому настилу к дому.

Думаю, все началось в душе. Когда мы валялись дурака в этом маленьком, наполненном паром помещении, хлеща друг друга мокрыми полотенцами, я испытал новое для меня чувство, каким-то непонятым, таинственным образом связанное с Джоуи. Помню, я неохотно одевался, объясняя свою медлительность жарой. Кое-как напялив на себя одежду, мы залезли в холодильник и стали что-то есть, запивая еду изрядным количеством пива. Потом, надо думать, отправились в кино. Иначе чем объяснить то, что мы оказались на улице? Помню, мы шли по темному, душному Бруклину, и тротуары и стены источали жар такой силы, что он мог сбить человека с ног. На ступеньках домов, казалось, расселось все взрослое население — вульгарно одетые и неопрятные родители с многочисленными детьми, которые играли рядом на тротуаре, плескались в сточной канаве или лазили по пожарным лестницам. Мы проходили мимо; я обнимал друга за плечи, гордый тем, что был на полголовы выше. Джоуи отпускал грязные шуточки, и мы весело смеялись. Странно, что только сегодня ночью, впервые за долгое время я вспомнил, как хорошо было тогда и как сильно мне нравился Джоуи.

Когда мы возвращались домой, на улицах было тихо, мы тоже притихли. И в квартире вели себя спокойно — сон буквально валил нас с ног, мы быстро разделась и легли в комнате Джоуи. Помню, я мгновенно заснул, но вскоре меня разбудил свет. Джоуи яростно тряс подушку.

- Что с тобой?
- Кажется, меня укусил клоп.
- Ну ты и неженка. У вас что, клопы водятся?
- По-моему, один меня укусил.
- А тебя раньше кусали клопы?
- Нет.

— Ладно. Давай спать, тебе приснилось.

Джоуи смотрел на меня с открытым ртом, глаза его расширились. Он словно только что понял, что подле него лежит настоящий знаток по части клопов. Я рассмеялся и ухватил его за голову, как тысячу раз делал до этого в игре или когда он изводил меня. Но в этот раз, когда я к нему прикоснулся, что-то будто шелкнуло в нас обоих, отчего обычное прикосновение стало чем-то неизведанным и новым. Джоуи не оттолкнул меня, как обычно, а покорно положил голову мне на грудь. И тут я почувствовал, как мое сердце заколотилось со страшной силой, Джоуи весь задрожал, а свет в комнате стал необычно ярким и резал глаза. Я хотел отодвинуться и пошутить, но Джоуи лепетал что-то бессвязное, и я наклонился, чтобы расслышать слова. В этот момент он поднял голову, и мы как бы незначай поцеловались. Первый раз в жизни я ощутил тело другого человека, его особенный запах. Наши руки сплелись в объятие. Казалось, в моих руках трепещет редкая, измученная, почти умирающая птица, которую мне чудом удалось поймать. Я был страшно испуган — думаю, он тоже, и мы оба закрыли глаза. То, что я так ясно, с пронзительной болью вспоминаю сегодня ту ночь, говорит о том, что я ни на мгновение ее не забывал. Я и сейчас ощущаю слабый отблеск охватившего меня тогда мучительного желания, неутолимую жажду, дрожь во всем теле и нежность — такую острую, что, казалось, вот-вот разорвется сердце. Но эта невероятная, невыносимая боль рождала радость, и этой ночью мы подарили ее друг другу. Мне казалось, и жизни не хватит, чтоб до конца насладиться любовью Джоуи.

Но жизнь коротка, и она закончилась с наступлением утра. Когда я проснулся, Джоуи еще спал, он свернулся клубочком, как ребенок, и лежал на боку лицом ко мне. Он и выглядел, как ребенок, — рот при-

открыт, щеки разругались, несколько черных кудряшек разметалось по подушке, другие прикрывали влажный круглый лоб, длинные ресницы поблескивали на солнце. Мы оба лежали голыми — простыня запуталась в наших ногах. Никогда не видел я ничего прекраснее смуглого, слегка тронутого испариной тела Джоуи. Я хотел было дотронуться до него, разбудить, но что-то остановило меня. Мне вдруг стало страшно. Он лежал такой невинный, такой доверчивый и открытый, такой маленький в сравнении со мной, что собственное тело показалось мне большим и грубым, а нарастающее желание — чудовищным. Но не только это испугало меня. Я вдруг осознал, что Джоуи — тоже мальчик, увидел его сильные бедра, плечи и слегка сжатые кулаки. Меня испугала таящаяся в этом теле мощь, притягательность и тайна. Оно словно влекло в темную пещеру, где меня будут долго мучить, пока я не сойду с ума и не утрачу полностью мужественность. И все-таки мне хотелось познать тайну этого тела, испытать его силу и то наслаждение, какое оно обещало. Я покрылся холодным потом. Мне стало стыдно. Даже беспорядочно смятое белье свидетельствовало о пороке. Что подумает мать Джоуи, когда увидит простыни? Потом я вспомнил своего отца, у которого не было никого, кроме меня, мать умерла, когда я был совсем маленький. Теперь черная дыра разверзлась уже в моем мозгу, в ней закружились разные слухи, домыслы, какие-то полузабытые рассказы, где-то подслушанные, не до конца понятые, полные бранных, грязных слов. Неужели это мое будущее? Какой кошмар! Мне хотелось плакать от стыда и ужаса, от непонимания, как такое могло случиться со мной, как такое желание могло зародиться во мне? И тогда я принял решение. Я вылез из кровати, принял душ, оделся, и, когда Джоуи проснулся, завтрак уже был готов.